

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РУДНИК

кандидат исторических наук, доцент,
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: rudnik7@yandex.ru

Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы

В ряду военных реформ 1860–1870-х годов в России особое место занимает введение всеобщей воинской повинности. Новый устав давал преимущество образованным призванным. Льготы предоставлялись в зависимости от типа учебных заведений. В статье показано, что устав и льготы давали еще один стимул для непривилегированных сословий России, прежде всего крестьян, сесть за парты и получить образование. Многие земства, крестьянские и городские общества жертвовали значительные суммы на открытие школ. В итоге, если в 1874 году только каждый пятый из новобранцев был грамотным, то через 20 лет они составили уже более трети всех молодых солдат.

Ключевые слова: армия, всеобщая воинская повинность, военная реформа, устав, образование, льготы, общество, учебные заведения, земства.

Во второй половине XIX века вопросы народного образования в России вышли на первый план в ряду других жгучих проблем современности. Поражение в Крымской войне общество восприняло как расплату за культурную отсталость страны, имея в виду низкий уровень грамотности податного населения. Реформа образования была продиктована потребностью модернизации России. Безграмотность населения препятствовала дальнейшему прогрессу страны. Промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля нуждались в квалифицированных специалистах не меньше, чем государственный и административный аппарат. Между тем, говоря о причинах, побудивших общество и правительство обратить внимание на народное образование, исследователи редко отмечают еще один важный побудительный мотив — введение всеобщей воинской повинности.

4 ноября 1870 года последовало Высочайшее повеление императора Александра II «о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве» (Русский инвалид, 1870, 5 ноября). В русском обществе на страницах газет развернулась дискуссия, в которой вопросы образования затрагивались самым непосредственным образом. Одни издания, поддерживая в целом принцип равенства всех перед законом, выражали сомнение в необходимости привлекать образованных людей к военной службе. Например, как только стало известно о первых очертаниях будущего устава, обозреватель «Недели» критически отозвался о нем, полагая, что «проект слишком мало имеет в виду интересы нашего образования и допускает в его пользу слишком мало исключений». По его мнению, «образованный класс» в России был «пока еще так малочислен, что сплошное привлечение образованных людей в ряды армии,

нисколько не облегчая тягостей военной службы для массы населения, в то же время» не могло «способствовать и качественному улучшению нашей армии». Последнее же «с гораздо большим успехом» могло «быть достигнуто совсем иными средствами» (Неделя, 1871, 5 (17) января, № 1).

Сторонники этой точки зрения полагали, что «привилегии в пользу образования» никак не повредят новым демократическим принципам комплектования армии. Неужели образованные молодые люди и те, кто стремится получить образование, «будут тоже оторваны от занятий?» — обращалось к читателям с вопросом другое издание. «Для чего же мы тратили время, деньги, здоровье, чтобы не докончить того, что было начали? Чтобы при первой войне быть жертвами свинца и пороха? Что же у нас на Руси останется, кто будет учить, и у кого будут учиться?» (Современные известия, 1870, 4 декабря, № 334).

Другие представители печати успокаивали общество, объясняя, что едва ли есть основания думать, будто бы «введение общей военной повинности обратит государство в военный стан, водворит в нем гнет, убьет просвещение» (Голос, 1870, 28 октября (9 ноября), № 298). Наоборот, полагали они, новый закон заставит многих сесть за парту.

По мнению защитников реформы, в новых условиях, когда «сроки обязательной службы будут значительно сокращены, вследствие чего личный состав армии будет возобновляться гораздо чаще», гораздо «удобнее и выгоднее» было бы «вопрос о распространении грамотности в армии свести» к вопросу «о распространении грамотности в народе, то есть поставить дело таким образом, чтобы в армию поступали уже грамотные и чтобы военное ведомство было избавлено от необходимости учить солдат чтению и письму» (Неделя, 1870, 16 (28) ноября, № 46).

17 ноября 1870 года были образованы две комиссии: одна — для разработки «Положения о воинской повинности», другая — для составления «Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении». Председателем обеих комиссий назначался начальник Главного штаба генерал-адъютант Ф. Л. Гейден. Общее руководство их работой возглавил Д. А. Милютин. При этом Д. А. Милютин полагал, что в интересах государства и общества следует «допустить многие и существенные льготы»¹, имея в виду как льготы по образованию, так и по характеру государственной и общественной деятельности.

В октябре 1871 года комиссия для разработки положения на трех заседаниях (5, 8 и 12 октября) обсуждала вопросы «об изъятиях и льготах по отправлению военной повинности», в том числе льготы по образованию. На важность этих мер в журнале комиссии было указано особо: «Недостаток в образованных и даже только в грамотных людях чувствуется на всех поприщах общественной и частной деятельности. Поэтому желательно и необходимо, чтобы введение всеобщей военной повинности не только не препятствовало, но, напротив того, содействовало достижению вышеозначенной цели»².

Вопрос о льготах для образованных призывников был подготовлен первым отделом комиссии под председательством тайного советника Н. А. Гернгросса. Только один член этого отдела, статский советник Розинг, предложил «не устанавливать льгот по образованию для лиц, поступающих на службу по жеребью», так как призывники с образованием могли поступить «вольноопределяющимися на сокращенные

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1275. Оп. 1. Д. 83. Л. 27.

² РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 314 об.

сроки службы». Большинство отдела (13 человек) полагало, «что все молодые люди, находящиеся в высших и средних учебных заведениях, по достижении ими призывного возраста, должны» были брать жребий вместе со своими сверстниками, но затем им следовало бы предоставлять «право оставаться в заведении до окончания курса», но «не более» определенного возраста (22–28 лет), который зависел от типа учебного заведения. Семь членов отдела комиссии считали, что «воспитанникам высших и средних заведений должно быть предоставлено право» не являться к жеребьевке призывников «до окончания курса» и отсрочка для студентов должна продолжаться до достижения 27, а для гимназистов — «23 лет от роду». Дискуссия относительно срока действительной службы завершилась тем, что «отдел, за исключением двух лиц», высказался за сокращение его для лиц с высшим образованием до 6 месяцев. По их мнению, окончившие средние заведения должны были ходить в солдатских сапогах один год, воспитанники «низших заведений» до трех лет и, наконец, лица, «прошедшие чрез народные школы, до 4 лет». Двое — генерал-майор Н. Н. Обручев и полковник Н. Ф. Шнитников — полагали, «что в видах поощрения образованных молодых людей к поступлению на службу вольноопределяющимися», для них следует установить «более продолжительные» сроки службы — от одного до трех лет. Наконец, большинство членов отдела признали «необходимым установить, чтобы воспитанники высших и средних заведений назначались исключительно на строевые должности»³.

Комиссия по разработке нового Устава трудилась два года. С апреля по ноябрь 1873 г. проект «Устава о воинской повинности» обсуждался в созданном при Государственном совете Особом присутствии о воинской повинности во главе с великим князем Константином Николаевичем — давним приверженцем реформы. Обсуждение проекта вызвало горячие споры по целому ряду вопросов, в том числе и о льготах по образованию. Некоторые высшие сановники поставили под сомнение целесообразность введения воинской повинности в ближайший период. Как отметил князь Д. А. Оболенский, «на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 2005: 337). Решительным поборником сохранения в армии привилегий дворянства был министр просвещения граф Д. А. Толстой. В частности, он полагал, что новый закон приведет к тому, что господствующее положение дворян в офицерском корпусе могут занять лица мещанского или купеческого звания. Д. А. Толстой считал, что следует оставить лишь две льготы по образованию: сокращение действительной военной службы до 3–4 лет для всех освоивших программу начальной школы, и до 1-го года — для вольноопределяющихся, окончивших не менее 6 классов гимназии. Министр просвещения отрицал необходимость особых льгот для лиц, получивших высшее образование, возражал против сохранения отсрочек для студентов, полагая, что они могут легко и удобно сочетать свои занятия с отбыванием воинской повинности. Среди тех немногих, кто поддержал Д. А. Толстого, был и князь Д. А. Оболенский, полагавший, что при наличии значительных льгот по образованию для поступающих на военную службу по жребию «никто не пойдет в вольноопределяющиеся» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 2005: 340–341). Сложилась парадоксальная ситуация, о которой Д. А. Милютин записал 3 декабря 1873 года в своем дневнике: «Многие из членов [Государственного совета] громко подсмеивались над тем, что два министра об-

³ РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 313 об., 314.

менялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование» (Милютин, 2008: 60). Подробности перипетий развернувшейся дискуссии между военным министром и министром просвещения описал в своей знаменитой монографии (Зайончковский, 1952: 315–331).

При обсуждении проекта устава в Государственном совете по всем спорным пунктам восторжествовала точка зрения Военного министерства. Документ был принят в основном в том же виде, в каком он был составлен комиссией о воинской повинности. 1 января 1874 года император Александр II подписал манифест и утвердил Устав о воинской повинности, первая статья которого гласила: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности» (Реформы Александра II, 1998: 338).

К статье 53 устава прилагался список учебных заведений, разделенных на четыре разряда «по отношению к отбыванию воинской повинности». Например, к первому разряду были приписаны все Духовные академии, университеты, ветеринарные институты в Казани, Харькове, Дерпте, Императорская академия художеств (для удостоенных звания классных художников 1 и 2 степени по всем отраслям искусства), Горный институт, Санкт-Петербургский практический технологический институт, Рижское политехническое училище, Медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге и еще ряд заведений, принадлежавших разным министерствам и ведомствам (Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности, 1874: 65–66).

Закон устанавливал для учащихся отсрочки от призыва для окончания образования, в зависимости от вида учебного заведения — от 22 до 28 лет. Например, воспитанникам Императорской академии художеств, Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Петербургской и Московской консерваторий, учительских институтов, семинарий и школ предоставлялась отсрочка до достижения ими 22 лет. Но те же учащиеся Московского училища живописи, удостоенные «серебряной медали ранее достижения 22-летнего возраста» и продолжающие там свое образование, получали отсрочку до 25 лет.

Для образованной молодежи устанавливались сокращенные сроки действительной службы и увеличенные — в запасе. Они составляли, соответственно: для окончивших университеты и другие учебные заведения первого разряда — полгода и 14 с половиной лет; курс шести классов гимназий и реальных училищ, духовных семинарий второго класса и других учебных заведений второго разряда — 1,5 года и 13 с половиной лет; учебные заведения третьего разряда — 3 года и 12 лет. Для выпускников начальных народных училищ и других учебных заведений четвертого разряда — 4 года и 11 лет, а в Туркестанском военном округе, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областях и во флоте — 6 лет на действительной службе и 4 года в запасе (Устав о воинской повинности: 346–348).

Лица с высшим и средним образованием по желанию могли отбыть воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся, обязанных прослужить в действующих войсках: выпускники учебных заведений первого разряда — 3 месяца, второго разряда — 6 месяцев, а выдержавшие испытание по особой программе, установленной по соглашению министров военного и народного просвещения, — 2 года.

Для них предусматривался ускоренный порядок производства в унтер-офицеры и офицеры при условии успешной сдачи соответствующих экзаменов.

Таким образом, реформа давала стимул к образованию. «Отечественные записки» отмечали, что в связи с введением всеобщей воинской повинности «чуть ли не все земства и городские общества принялись жертвовать значительные суммы на открытие реальных и ремесленных школ» (Отечественные записки, 1874, № 2: 315). «Со всех концов России доносятся вести о проектах новых гимназий, реальных училищ и т. п. заведений, по преимуществу средних», — писали «Санкт-Петербургские ведомости» в марте 1874 года. Судя по сообщениям, большинство этих заведений предполагалось содержать за «счет местных земских сборов» (Санкт-Петербургские ведомости, 1874, 17 (29) марта, № 75). По случаю обнародования манифеста крестьянские общества в многочисленных адресах выражали свои верно-подданные чувства. В одном из таких адресов крестьяне Марковской волости Рыльского уезда Курской губернии сообщали о своем решении «собрать по 5 копеек с души» на обучение «детей их грамоте»⁴.

Характерной приметой времени было письмо попечителя народного училища из г. Дубоссары в Петербургский комитет грамотности, в котором он отмечал, что за пять лет существования училища все его «старания убедить здешних мещан посылать своих детей в школу оставались безуспешны», в ней учились максимум 60 учеников, «и то половина из них были дети иногородних церковнослужителей и солдат». Не лучше обстояли дела «в соседних школах», расположенных «в селениях государственных крестьян: за всю зиму в каждую школу еле-еле собиралось человек 15». Все изменилось после «обнародования нового закона о всеобщей воинской повинности». Попечитель с удовлетворением сообщал, что «в настоящее время в каждой из сельских школ учится по 70 и более детей, а в дубоссарском училище — 90 человек». Местные школы буквально «завалены сообщениями родителей о том, что они в самое ближайшее время «пришлют своих детей учиться». По словам попечителя, «даже евреи» не остались в стороне от общего стремления учиться в русской школе и «обучать своих детей русской грамоте», чего раньше за ними замечено не было. Отмечая это «отрадное явление», автор письма не обошел стороной и «темную сторону дела» просвещения народа: острую нехватку учителей, «недостаток в удобных помещениях», дефицит книг, учебной литературы и пр. Попечитель дубоссарского народного училища беспокоился о недостатке средств, «земских и других ассигнований», отмечая, что тех «скудных крупниц», выделяемых «на дело народного образования», не хватает и сейчас, и будет явно недостаточно в будущем «для распространения грамотности в народе» (Санкт-Петербургские ведомости, 1874, 14 (26) марта, № 72).

Корреспондент «Голоса» в Ревеле не сомневался в том, что в прибалтийских губерниях новый закон о воинской повинности произведет «самый решительный и благоприятный переворот». И все благодаря одной 57 статье нового устава, которая гласила, что «от лиц нерусского происхождения, обучившихся в народных школах или таких учебных заведениях, в коих преподавание русского языка не обязательно, для предоставления им права на сокращенные сроки службы по образованию (ст. 56) требуется, кроме знания училищных курсов, умение бегло и со смыслом читать и четко писать по-русски» (Устав о воинской повинности: 348). Таким образом,

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 195. Л. 76 об.

только одна эта статья значительно стимулировала население прибалтийского края к изучению русского языка, сделала гораздо больше, чем «разного рода попытки к искусственному насаждению этого знания в здешнем крае». По сведениям корреспондента, еще раньше русский язык постепенно, «мало-помалу», начали вводить в местных школах, и к 1874 году русский язык преподавался в 60 из 479 сельских народных школ Эстонской губернии. На первый взгляд немного, но, как отмечал репортер, надо было учесть, что еще «пять лет назад даже в самом Ревеле, не говоря об уездах, городах и селах, положительно негде было учиться русскому языку» (Голос, 1874, 26 января (7 февраля), № 26). Десять лет спустя в Эстонской губернии насчитывалось уже три средних учебных заведения и 16 начальных училищ, в которых обучение проходило на русском языке. По мнению современников, эти факты свидетельствовали о насущной потребности эстонского населения «в основательном изучении русского языка» (Правительственный вестник, 1884, 4 (16) января, № 4).

Следует также отметить, что, несмотря на обнародование устава о воинской повинности, широкое обсуждение его в печати и обществе, в сельской местности знание многих положений нового закона было поверхностным. Многие крестьяне узнавали о предоставляемых «грамотеям» льготах уже на самих призывных участках осенью 1874 года, когда начался первый призыв на военную службу по новому закону. Любопытный факт в этом отношении передают «Екатеринославские губернские ведомости». В посаде Азове, перед самой жеребьевкой призывников, «уездный училищный совет» подверг «испытанию молодых людей, желавших получить свидетельства в знании курса начальных народных училищ». Четыре человека из шести «выдержали экзамен и получили свидетельства». По итогам жеребьевки двое из них подлежали призыву на действительную службу. Когда председатель уездного по воинской повинности присутствия объявил им, что они согласно уставу имеют право на «льготу по образованию» и будут служить не 6 лет, как все неграмотные новобранцы, а только 4 года, «то это объявление произвело такое впечатление на азовское мещанское общество, что оно» в тот же миг постановило «открыть с 1 января 1875 года в посаде» начальное народное училище, «с ассигнованием на содержание его из общественных сумм по 1500 руб. ежегодно» (Неделя, 1874, № 47).

Кроме тенденции к росту числа учащихся, школ, следует отметить и появление новых предметов в программе обучения. Газета «Голос» осенью 1874 года информировала читателей: «Новая воинская повинность не только вызывает увеличение числа учебных заведений, но преобразует и существующие. Нам передавали, что с началом учебного года в частном пансионе, если не ошибаемся, г. Васильева, кроме гимнастических упражнений, вошедших уже в программу преподавания, введено теперь фехтование на эспадронах и штыках. Это первый пример частного почина в распространении искусства, на которое у нас вообще мало обращено внимание, хотя фехтование, как гимнастика, является самым действительным средством для физического развития, пренебрегать которым нельзя безнаказанно» (Голос, 1874, 26 октября (7 ноября), № 296).

Правда, сами крестьяне скептически относились к подобным гимнастическим упражнениям. Когда в некоторых земских школах Воронежской губернии ввели военную гимнастику, даже отставные солдаты сомневались в необходимости ее преподавания: «Может, ему и в солдаты-то не идти, а его гоняют». Другие говорили, что когда время придет служить — выучат, «наука не больно мудреная». Наконец, бывалые ратники не верили, что «из этой гимнастики могло выйти что-нибудь серьезное»

и она пригодится впредь: «так, одна модель». А когда кто-нибудь возражал им и начинал рассуждать о необходимости физического развития — дескать, «пушай приучаются», потому что «ноня развитие требуется», ему указывали «на мужицкую гимнастику — работу, которой всегда для мужика вдоволь» (Воронов, 1899: 42).

Многие крестьяне обучались в начальных общеобразовательных заведениях. К начальным народным училищам Министерства народного просвещения относились: 1) приходские училища в городах, посадах и селах, которые должны были содержаться за счет казны и частных пожертвований; 2) народные училища, созданные и содержащиеся частными лицами. Право открывать свои сельские школы имели также министерства государственных имуществ, внутренних дел, удельное и горное; содержание этих школ поручалось местным обществам. Духовное ведомство открывало и содержало свои церковно-приходские училища. Воскресные школы могли учреждаться как правительством, так и городскими и сельскими обществами, а также частными лицами для обучения ремесленников и рабочих. Огромная роль в устройстве и содержании начальных школ отводилась земским учреждениям. Согласно авторитетным исследованиям Б. Б. Веселовского, «заботы о начальном народном образовании с самого начала были отнесены к предметам ведомства уездных земств, губернские земства отвели себе по преимуществу область среднего образования и подготовки учительского персонала» (Веселовский, 1909: 588). Он пришел к общему выводу, что земская школа своим возникновением всецело обязана сельским обществам.

Кроме того, как отмечал русский историк и публицист-этнограф А. С. Пругавин, народ создавал «свои собственные доморощенные школы», отыскивал «учителей для этих школ из своей же среды — из числа отставных солдат, черничек [сельские женщины, не вступившие в брак по обету родителей или своему собственному], разных загожих людей», учился «у местных крестьян-грамотеев» и, наконец, «просто друг от друга». В своем исследовании А. С. Пругавин привел ряд фактов, доказывающих, что «во многих местах, благодаря исключительно влиянию вольных доморощенных учителей, народ обучился грамоте» (Пругавин, 1890: 35).

Таким образом, в крестьянской среде постепенно приходило понимание преимущества образования, в том числе и для военной службы. Собирая данные о развитии народного образования в Воронежской губернии в пореформенный период, чиновники местного статистического отделения сделали массу «отметок и записей, касающихся отношения крестьян к грамоте». Например, на хуторе Барсуков Твердохлебовской волости они услышали от крестьян: «Грамотному и на базаре сподручней, и на военной службе легче» (Воронов, 1899: 17). Отрицая пользу учения для женщины (это «не бабье дело, ее дело — хозяйство»), крестьяне обыкновенно говорили: «вот обучить мальчонку — это иная статья: ему и в солдатах легче будет, да и по мужичеству ныне без грамоты плохо: нужда бывает в город по делам или на заработки, а то еще выберут в податные и старосты, — мужику приходится всякие обороты давать, а баба сидит дома» (Пругавин, 1890: 41). «Мальчику нужна грамота потому, что он впоследствии должен отбывать воинскую повинность, нести общественные должности, работать на отхожих промыслах», — так рассуждали крестьяне Оларевской волости Вологодской губернии (Воротникова, 2009: 38). Земский статистик В. В. Петров, изучая вопросы развития народного образования в Московской губернии, отмечал, что народ к необходимости «распространения грамотности» подходил «почти исключительно со стороны его практического примене-

ния», в том числе ввиду понимания «тех неудобств, которыми грозит безграмотному солдатчина». От крестьян приходилось слышать: «нынче неграмотного и в ученье не берут, и в солдатах неграмотный — пропащий человек»; «солдату <...> надо быть грамотным непременно, неграмотному солдату служить труднее». Учителя церковно-приходских школ той же губернии также сообщали, что стремление к грамотности у крестьян было вызвано желанием «воспользоваться льготой по воинской повинности и получить хорошее место» или «что мальчишки, успешно кончившие курс в школе, пользуются льготой по воинской повинности». (Петров, 1900: 5, 8).

Результаты усилий социума, крестьянских обществ и частных лиц в деле повышения грамотности среди новобранцев видны из следующей таблицы:

Таблица 1

Год	Всего принято	Всех грамотных (%)	Со свидетельствами учебных заведений		
			1-го и 2-го разрядов	3-го разряда	4-го разряда
1874	148 909	31 789 (21,34 %)	150 (0,10 %)	867 (0,58 %)	628 (0,42 %)
1875	179 002	38 004 (21,24 %)	233 (0,13 %)	1 157 (0,65 %)	732 (0,41 %)
1876	192 541	40 334 (20,95 %)	341 (0,18 %)	1 200 (0,62 %)	918 (0,48 %)
1877	212 469	44 651 (21,01 %)	348 (0,16 %)	1 408 (0,66 %)	945 (0,44 %)
1878	214 322	44 285 (20,67 %)	458 (0,21 %)	1 364 (0,66 %)	1 175 (0,54 %)
1879	215 181	45 413 (21,12 %)	600 (0,28 %)	1 457 (0,68 %)	1 528 (0,71 %)
1880	231 681	51 161 (22,09 %)	638 (0,28 %)	1 465 (0,63 %)	1 897 (0,82 %)
1881	209 965	48 416 (23,06 %)	706 (0,34 %)	1 384 (0,66 %)	2 375 (1,13 %)
1882	208 969	49 168 (23,53 %)	716 (0,34 %)	1 382 (0,66 %)	3 086 (1,48 %)
1883	215 624	52 846 (24,51 %)	735 (0,34 %)	1 330 (0,62 %)	4 215 (1,95 %)
1884	221 562	56 442 (25,47 %)	787	1 572	5 655
1885	227 906	60 582 (26,58 %)	758	1 761	7 400
1886	234 087	65 092 (27,80 %)	783	1 914	8 744
1887	236 436	69 192 (29,26 %)	944	2 302	9 451
1888	251 366	75 538 (30,05 %)	1 135	4 307	8 763
1889	255 680	78 533 (30,69 %)	1 229	5 647	9 964
1890	261 596	82 286 (31,45 %)	2 124	13 670	IV разряд ликвидирован
1891	261 122	84 522 (32,36 %)	2 116	14 548	
1892	262 682	91 478 (34,82 %)	2 502	16 475	
1893	259 988	92 356 (35,52 %)	2 464	16 518	
1894	270 767	101 946 (37,65 %)	2 310	19 675	

Таблица составлена на основе данных, опубликованных в следующих изданиях: Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 12; Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. СПб., 1886. С. 38, 77; Статистика Российской империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб., 1897. С. 130–131.

Таким образом, почти каждый год (исключение составили 1878, 1881 и 1882 годы) в армию призывалось все больше грамотных новобранцев, и через 20 лет они составляли уже более трети всех молодых солдат. По сравнению с 1874 годом их было уже

на 16% больше. В процентном отношении особенно устойчивый рост отмечается с 1880 года. Многие авторы, изучавшие состояние народного образования в губерниях и уездах Российской империи в пореформенный период, отмечали эту устойчивую положительную динамику. Так, в Псковской губернии в 1881 году «грамотеев» среди новобранцев было 17%, в 1885 году этот процент вырос до 23,3, а в 1887 их уже насчитывалось 29,9% (Пругавин, 1890: 25). В Смоленской губернии в 1880 году из 3647 новобранцев, поступивших на службу, грамотных было только 726 (20,3%), из них только 63 человека (1,7%) имели право на сокращенные сроки службы по образованию. В 1898 году статистическая картина была иной: из 4065 парней, принятых на службу, грамоте было обучено уже 1694 человек (41,5%), из них 565 (13,9%) имели право на сокращенные сроки службы (Шперк, 1899: 108).

К 1905 году процент грамотности новобранцев еще более вырос. По данным известного историка педагогики Н. В. Чехова, самыми грамотными оказались «три губернии, бывшие долгое время под влиянием германской культуры: Лифляндская, Курляндская и Эстонская (98% грамотных новобранцев)». Из русских губерний — Санкт-Петербургская (95%), Ярославская (94%) и Московская (89%) губернии. Более 80% грамотных имели губернии: Тверская, Калужская и Владимирская. Еще в 26 губерниях грамотных новобранцев было от 50 до 80%, в 15 губерниях — от 30 до 50%. И самыми последними по грамотности новобранцев являлись: Калишская — 29%, Люблинская — 29%, Радомская — 27% и, наконец, последняя — Уфимская — 23%. (Чехов, 1912: 154)

В последующие годы устав о воинской повинности дополнялся различными инструкциями, циркулярами МВД, постановлениями Государственного совета. Например, список учебных заведений всех четырех разрядов неизменно пополнялся и уточнялся. В 1890 году четвертый разряд был аннулирован. К Уставу о воинской повинности издания 1897 года прилагался список учебных заведений только двух разрядов. В первый входили высшие и средние учебные заведения, во второй — низшие.

Кроме того, с начала 1880-х годов по высочайшему повелению императора дополнительные отсрочки для окончания образования предоставлялись учащимся и воспитанникам средних и студентам высших учебных заведений. Так, только в течение 1887 года министр внутренних дел сделал 8 всеподданнейших докладов, по которым отсрочку получили 312 человек. Например, в январе отсрочка до призыва 1890 года была предоставлена воспитанникам Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а в будущем известным художникам и архитекторам Александру Головину, Карлу Гиппиус, Константину Высоцкому. В этом же списке, состоявшем из 52 имен, был и студент Санкт-Петербургской академии художеств Юлий Цауне, в будущем известный харьковский архитектор. В июле среди восемнадцати лиц значился студент той же академии Александр Леонтовский, в октябре — Василий Свиный (будущий архитектор Петербурга) и воспитанник Московской консерватории Николай Соколовский (будущий профессор Московской консерватории)⁵.

Высочайше утвержденным 10 февраля 1886 года мнением Государственного совета сроки действительной службы для лиц, получивших высшее и среднее образование, были увеличены до двух лет на действительной службе и шестнадцати лет в запасе (Устав о воинской повинности... 1899: 31). Идя на такой шаг, прави-

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 206. Л. 5, 6, 133, 171.

тельство стремилось «заставить образованных молодых людей в большем числе отбывать воинскую повинность вольноопределяющимися и тем самым увеличить число прапорщиков запаса». По данным Главного штаба, к концу XIX века около 85 % молодых людей с высшим и средним образованием служили в войсках вольноопределяющимися (из них только 40 % выдерживали экзамен на чин прапорщика запаса) и лишь около 15 % поступали на военную службу по жребии⁶.

Таким образом, введение всеобщей воинской повинности оказало положительное влияние на распространение в России грамотности. Реформа 1874 года выполнила одну из главных своих задач, о которой писал военный министр Д. А. Милютин: подняла «общий уровень образования не только в войсках, но и в народе» (Милютин, 2006: 317). Льготы, данные по новому закону образованным призывникам, во многом способствовали просветлению, прежде всего, «темного царства» крестьянской неграмотности.

Литература

Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909. 724 с. [*Veselovskij B. B.* Istorija zemstva za sorok let. T. I. SPb., 1909. 724 s.]

Воронов И. К. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. 469 с. [*Voronov I. K.* Materialy po narodnomu obrazovaniju v Voronezhskoj gubernii. Voronezh, 1899. 469 s.]

Воротникова Н. С. Система начального образования в северной деревне во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Государство и развитие образования в России XVIII—XX вв.: политика, институты личности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009. С. 36–39. [*Vorotnikova N. S.* Sistema nachal'nogo obrazovanija v severnoj derevne vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. (po materialam Vologodskoj gubernii) // Gosudarstvo i razvitie obrazovanija v Rossii XVIII—XX vv.: politika, instituty lichnosti: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, RUDN, 14–15 maja 2009 g. M.: RUDN, 2009. S. 36–39.]

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. 371 с. [*Zajonchkovskij P. A.* Voennye reformy 1860–1870-h godov v Rossii. M., 1952. 371 s.]

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. 504 с. [*Zapiski knjazja Dmitrija Aleksandroviča Obolenskogo.* SPb., 2005. 504 s.]

Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006. 736 с. [*Miljutin D. A.* Vospominanija. 1868–1873 / pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2006. 736 s.]

Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875 / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008. 440 с. [*Miljutin D. A.* Dnevnik. 1873–1875 / pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2008. 440 s.]

Наши общественные дела // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 292–319. [*Nashi obshhestvennye dela* // *Otechestvennye zapiski.* 1874. № 2. S. 292–319.]

Петров В. В. Вопросы народного образования в Московской губернии. Вып. III. М., 1900. 134 с. [*Petrov V. V.* Voprosy narodnogo obrazovanija v Moskovskoj gubernii. Vyp. III. M., 1900. 134 s.]

Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. 282 с. [*Prugavin A. S.* Zпросы naroda i objazannosti intelligencii v oblasti umstvennogo razvitija i prosveshhenija. M., 1890. 282 s.]

Реформы Александра II. М., 1998. [*Reformy Aleksandra II.* M., 1998.]

⁶ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 155. Л. 6 об., 7.

Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб., 1874. [Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazheniy po vvedeniyu obshchey voinskoj povinnosti. T. 1. SPb., 1874.]

Устав о воинской повинности (изд. 1897 г.) с приложением правил об учете и призыве нижних чинов запаса и о военно-конской повинности / сост. А. Анисимов. СПб., 1899. [Ustav o voinskoj povinnosti (izd. 1897 g.) s prilozheniyem pravil ob uchete i prizyve nizhnikh чинов запаса i o voyenno-konskoj povinnosti / Sost. A. Anisimov. SPb., 1899.]

Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. 222 с. [Chehov N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-h godov XIX veka. M., 1912. 222 s.]

Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899. 112 с. [Shperk F. F. Kratkij istoricheskij ocherk narodnogo obrazovaniya v Smolenskoj gubernii. Smolensk, 1899. 112 s.]

References

Veselovskiy B. B. Istoriya zemstva za sorok let. T. 1. SPb., 1909. 724 s. [Veselovsky B. B. (1909) *District council (Zemstvo) history for forty years*, t. 1. SPB. 724 p.]

Voronov I. K. Materialy po narodnomu obrazovaniyu v Voronezhskoy gubernii. Voronezh, 1899. 469 s. [Voronov I. K. (1899) *Materials for public education in Voronezh province*. Voronezh. 469 p.]

Vorotnikova N. S. Sistema nachalnogo obrazovaniya v severnoy derevne vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. (po materialam Vologodskoy gubernii) // Gosudarstvo i razvitie obrazovaniya v Rossii XVIII—XX vv.: politika, instituty lichnosti: Materialy XIII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, RUDN, 14–15 maya 2009 g. M.: RUDN, 2009. S. 36–39. [Vorotnikova N. S. (2009) "Primary education system in the northern village of the second half of XIX — early XX century (On materials of the Vologda province)" in: *State and development of education in Russia XVIII—XX centuries: policies, institutions, personalities: Materials of the XIII russian scientific-practical conference*. Moscow, RUDN, 14–15 May, pp. 36–39].

Zayonchkovskiy P. A. Voennye reformy 1860–1870-kh godov v Rossii. M., 1952. 371 s. [Zaionchkovsky P. A. (1952) *Military reforms of the 1860–1870 in Russia*. M. 371 p.]

Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. SPb., 2005. 504 s. [*Memoirs of Prince Dmitry Aleksandrovich Obolensky* (2005) SPb., 504 p.]

Milyutin D. A. Vospominaniya. 1868–1873 / pod red. L. G. Zakharovoy. M., 2006. 736 s. [Milutin D. A.; Zakharova L. G. (ed.) (2006) *Memories, 1863–1873*. M. 736 p.]

Milyutin D. A. Dnevnik. 1873–1875 / pod red. L. G. Zakharovoy. M., 2008. 440 s. [Milutin D. A.; Zakharova L. G. (ed.) (2008). *Diary, 1873–1875*. M., 2008. 440 p.]

Nashi obshchestvennye dela // Otechestvennye zapiski. 1874. № 2. S. 292–319. ["Our public affairs" in: *Fatherland notes*, 1874, no. 2, pp. 292–319].

Petrov V. V. Voprosy narodnogo obrazovaniya v Moskovskoy gubernii. Vyp. III. M., 1900. 134 s. [Petrov V. V. (1900) *Questions of public education in the Moscow province*, Release III. M., 134 p.]

Prugavin A. S. Zaprosy naroda i obyazannosti intelligentsii v oblasti umstvennogo razvitiya i prosveshcheniya. M., 1890. 282 s. [Prugavin A. S. (1890) *People requests and responsibilities of intellectuals in the field of cognitive development and education*. M., 282 p.]

Reformy Aleksandra II. M., 1998. [*The reforms of Alexander II* (1998) M.].

Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazheniy po vvedeniyu obshchey voinskoj povinnosti. T. 1. SPb., 1874. [Collection of government regulations on the introduction of universal conscription, SPb. T. 1, 1874.]

Устав о воинской повинности (изд. 1897 г.) с приложением правил об учете и призыве нижних чинов запаса и о военно-конской повинности / сост. А. Анисимов. СПб., 1899. [Anisimov A. (comp.) (1899) *Charter of conscription (ed. 1897) with the application of the rules on accounting and the appeal of the lower ranks of the military and the stock-horse trespass*, SPb.]

Chekhov N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka. M., 1912. 222 s. [Chekhov N. V. (1912) *Public education in Russia in 60-ies of the XIX century*. M. 222 p.]

Shperk F. F. Kratkij istoricheskij ocherk narodnogo obrazovanija v Smolenskoj gubernii. Smolensk, 1899. 112 s. [Shperk F. F. (1899) *Brief history of public education in the Smolensk province*. Smolensk. 112 p.]

General compulsory military service and questions of education in Russia in the 1870–1890th

SERGEY N. RUDNIK

Docent,
National Mineral Resources University (Mining University),
St Petersburg, Russia;
e-mail: rudnik7@yandex.ru

Among all military reforms in the 1860–1870th general compulsory military service was one of the most significant. The new charter gave an advantage to educated recruits. Privileges were provided depending on type of educational institutions. In article it is shown that the charter and privileges gave one more incentive for unprivileged estates in Russia, first of all peasants, to sit down at school desks and to get an education. Many zemstvos, country and city societies donated the considerable sums for schools opening. As a result, if in 1874 only every fifth recruits was competent, in 20 years they made already more than a third of all young soldiers.

Keywords: army, general compulsory military service, military reform, statute, education, privileges, society, educational institutions, zemstvo.